

Эпизод \|[27й]////

ОЖИДАНИЕ РАДОСТИ

- >> Тоже радость
- >> Авиабайки ХВВАУЛ

10 декабря 1971 г. (пятница)

При отсутствии радости, ожидание радости – тоже радость! Вильям ШЕКСПИР

...У меня хорошая новость: на завтра я включён в списки увольняемых на сутки!

Пришлось сказать своим командирам, что мама плохо себя чувствует!

Соврал? Надо признать: да!

Чего не сделаешь ради полового эксперимента!

И перед окончанием самоподготовки я на сторожевом посту взял ключ от парткома, где установлен городской телефон, достал из кармана блокнот с телефоном Димы и позвонил ему.

— Алло! — услышал я приятный баритон.

— Привет, буква «Д»! Это Юрий. Как жизнь половая?

— Юрик, ты? Привет! А я только сейчас подумал: позвонишь ты или нет? Какой же ты, пернатый, молодец, что позвонил! Так что, буква «Ю»? Отпускают тебя в увольнение с ночёвкой? Жду твоего ответа с замиранием сердца!

— Отпускают, отпускают! Если, конечно, в ближайшие сутки не случится чего-нибудь не предвиденного, в виде маленькой победоносной мировой войны! Поэтому пусть твоё сердце работает без замиранья! Оно тебе ещё пригодится!

— Это хорошая новость! — и я почувствовал, как Дима на том конце провода щедро заулыбался. — Так мы тебя ждём завтра, часиков в семь?

— Понял, в девятнадцать – ноль-ноль! А приходиться в форме или можно по гражданке?

— Хорошо, что ты спросил! Я забыл тебе об этом сказать! Конечно, в форме! Только в форме! Чтобы наша подруга видела, что никто её не обманывает! Она же на погонах круто помешана! Ты придёшь в форме?

— Как скажешь! Спи спокойно, дорогой товарищ! Завтра, судя по твоим рассказам, нам предстоит приятно-беспокойная и «чудь-чудь» бессонная ночь!

— И это хорошо, чёрт побери!

Мы ещё поболтали на нейтральные темы и попрощались фразами «до завтра».

<<><•><><><•><>> ...По нашей просьбе нашими командирами для нас была

организована встреча с курсантом четвёртого курса. Чтобы это оформить каким-то мероприятием, спланировали эдакую политинформацию.

Поэтому после ужина мы расселись в нашем классе. Четверокурсник начал нас политически информировать: рассказал о событиях в Европе, Америке, Азии. Закончил так:

— ...Индо-пакистанским конфликтом уже заинтересовалась ООН. Мировая печать опубликовала доклад Генсека ООН У Тана, в котором названы виновники на границе этих двух государств. Как известно, президент Пакистана начал репрессии против жителей своей страны. В результате в Индии появились сотни тысяч беженцев и в этих районах начались трудности с продовольствием. Правительство Индии потребовало от своих соседей прекратить провокации. В ответ Пакистан начал военные действия против Индии... Вот кратко и всё. У кого будут вопросы?

— Вопросов нет!

— Есть! — со своего места поднимается Саша Казачкин. — Расскажите, пожалуйста, о своих чувствах во время первого самостоятельного полёта!

Я улыбнулся – ничего более оригинального мне не приходилось слышать!

— Первый самостоятельный? — задумался четверокурсник. — Да что, обыкновенно! А вот первый вывозной полёт, помню, произвёл на меня впечатление! Ещё не успел привязаться [к катапультному креслу], смотрю: уже едем. [В смысле, рулим! – авт.] Потом ВПП. Тут всё замелькало по сторонам. Гляжу: уже летим! И никак не могу сообразить: где прибор скорости, где высоты! Инструктор накренил самолёт на первом развороте, а я с перепугу хватаюсь за борт, чтобы не выпасть. Потом вспомнил: я же привязан и фонарь [кабины] закрыт! Набрали высоту. Инструктор говорит: «Хочешь за ручку подержаться?» Берусь за ручку, и самолёт начинает переваливаться из крена в крен, и то вверх, то вниз – не слушается меня и всё тут! Инструктор говорит: «Ну, хватит! А то ты меня укачаешь!» Взял управление на себя. Смотрю вниз. Это замечают из задней кабины. «Что, речка?» — рывкнуло у меня в шлемофоне. И не успел я ничего ответить, как он закрутил такую штопорную бочку, что мне стало не по себе! Сразу пропало желание вниз смотреть! «А вот центр зоны! Село с церквушкой, видишь?» — продолжают шлемофоны. И следует новая бочка. «Господи! — думаю. — Когда же посадка?» Потом привык к выкрутасам инструктора. А когда уже влетался, научили взлёту и посадке.. перед первым самостоятельным... Сел ко мне в заднюю кабину полковник, лётчик-методист училища, и как умер – до самой посадки не слышал от него ни единого слова. Выполнил полёт по кругу, выполнил второй. Сели, зарулили. Спрашивает: «Полетишь сам?» — «Конечно, полечу!» — отвечаю. — «Ну, лети!» Побежал к инструктору. Есть такая традиция: перед первым самостоятельным вылетом инструктору пачку сигарет давать. Подбегаю. Он: «Ну как?» — «Всё в порядке! Вот сигареты!» Тут идёт комэск. Говорит инструктору: «Витя, ты надрал ему задницу перед самостоятельным? Так чего же ты ждёшь? Надери! А то сядет плохо и поломаёт самолёт!» Инструктор мне: «Ну, давай!» Слетал нормально. Так начались мои самостоятельные. Потом были вывозные на пилотаж. У меня от них на внутренних сторонах бёдер синяки не проходили – инструктор в полёте ручкой дерётся! Чуть что не так – ручкой управления из стороны в сторону! Рули ведь у «Элки» не очень эффективные: потерял скорость на полупетле в верхней точке – на, получай, сукин сын! Да! А на взлёте РУДом по рукам бьют! Только и успевай руку одёргивать!

Четверокурсник помолчал. И продолжил:

— Вам, конечно, ребята, будет труднее. Вы летаете по старой программе, со второго курса, а за вами первый курс идёт – они будут летать по новой программе, с первого курса! Вас 200 «гавриков», да первокурсников 350! А в училище всего навалом: технического персонала – навалом, самолётов – много, а вот лётчиков-инструкторов не хватает! Нас в экипаже у инструктора было по 3-4 курсанта, а вас будет, наверно, по 5-6 человек! А это очень трудно для инструктора! Поэтому, не дай бог, кому-нибудь из вас в полку напиться, уйти в самоход или нагрубить инструктору, командиру звена, комэске или даже просто младшему командиру! (Тут замечаю: Ёсипов заулыбался своей нижней частью лица, верхняя, как всегда, серьёзна – последняя добавка ему как бальзам на сердце!) Будут искать малейший повод! Пусть даже вы получили наряд вне очереди. А наряд – значит, служба, а не полёты, значит, вы пропустите несколько лётных смен! А что это, в свою очередь, значит? Это значит, что другие уйдут по программе вперёд! А вы будете топтаться на месте. На много отстанешь – считай, докладчик на Совет училища уже готов!

...Политинформация давно закончена, а мы четверокурсника ещё долго не отпускаем! Из класса уже в коридор перешли. Об одном рассказал, следует новый вопрос. Это рассказал – ещё вопрос, потом ещё... Всех интересуют полёты, жизнь в учебных полках.

— Поэтому берегитесь дисциплинарных взысканий! При знакомстве с вашими личными делами все офицеры обращают на это внимание! Как мой первый комэск Загоруйко:

«Так! Пять взысканий? Этот летать не будет!.. У этого... Четыре взыскания... Ладно, посмотрим!»

Тут моя очередь настаёт.

«За что у вас, товарищ курсант, взыскания?»

«За употребление, товарищ майор!..»

«За употребление?»

«За злоупотребление!..»

«Вот это ближе к истине! Разберёмся с тобой отдельно!..»

Мы заулыбались вокруг. Понимали, что четверокурсник шутит!

— Помню, в Чугуеве получил десять суток ареста за самоволку, — продолжает наш старший товарищ. — Бывало, перелезешь ночью через забор, на грузовик – и через 20 минут ты в Харькове! А в это время вместо тебя в твоей постели укрытая шинель спит! К шести возвращаешься и сразу на зарядку со всеми! Я попался, ибо совсем обнаглел! Из наряда, не заходя в казарму, не подготовив себе прикрытие! И по той же схеме, по тому же маршруту... Ну и погорел!.. А гауптвахта в Чугуеве – у танкистов. Своеобразные спальные места! Нары шарнирного типа. Ляжешь – задница вверху, голова внизу! «Ну, — думаешь, — не так лёг!» Переворачиваешься – опять: от перемены мест слагаемых (голова и зада) результат не меняется! Утром приходит «кусок», начальник «губы» – вот такая пачка! — показывает рожу по ширине своих плеч. — В руках трёхстрелочный секундомер, который даже сотые доли секунды высчитывает. И три кэмэ кросса. Не уложился в нормативы – сутки ареста добавляют!

Мы смеёмся.

— Чугуевский полк – вообще «тюрьма народов»! Чуть что не так – на «губу»! Особо не разговаривают! Ещё насмотритесь!.. В Чугуеве был у нас старшина курса – ворюга, что называется страшно-откровенный! Отличительной его чертой было нытьё. На

подъёме: «Робята! Вставайте! Сюды йдутъ восим генералов та дванадцать полковныквив! Вставайте, робята!» — «Да иди ты, спать хотим!» — «Ой, лишенько! Мэни попадэ за вас! Вставайте, робята!» Командир взвода подходит: «Подъём, курсанты!» — «Иди на х*й! через год сами лейтенантами будем!..»

А со старшиной... Моем дежурный пол. Чуть зазевался, хватъ – ведра уже нет. А проходил только он! К нему:

«— Товарищ старшина! Отдайте ведро!»

«— Цэ мое! Вон, бачишь, краскою пидпысано!»

— Ходит этот кусок по гарнизону с краской и кисточкой. Чуть что без присмотра оставишь, всё, будет подписано – это его! Это вам не Муллер!

Я посмотрел на наших. Какие у всех одухотворённые лица, когда заходит речь о полётах! Даже Сане Казачкину интересно, хотя он учится на штурмана наведения и ему, когда мы уедем на полёты, предстоит убыть в Багерово.

— А вообще летать, конечно, интересно! Случаев смешных много бывает. В анналах Харьковского ВВАУЛ зафиксирована и такая история. Полетел курсант по маршруту на МиГ-17. И заблудился. Топливо на исходе, своё место полёта не определяется. Что, прыгать? Глядь: аэродром! Ну, он на него и мостится! А это аэродром Краматорской дивизии ПВО! А кто без запроса садится? Только высокое начальство! К нему уже машины несутся! Инженер полка лично флажками показывает, куда зарулить! Заруливает. Полкач сам стремяночку к борту подставляет. А в то время курсантом лётное выдавали всё бывшее в употреблении: латка на латке б/у-комбез, потёртый б/у-шлемофон, лётные б/у-ботинки, которые приходилось контровочной проволокой ремонтировать! Полкач осторожненько к кабине поднимается, видит: вместо высокого начальства сидит пилот во всём б/у!

«— Ты кто такой?»

«— Курсант Харьковского ВВАУЛ, товарищ полковник! Да вот... заблудился!..»

«— Ой, горе ты моё, луковое! А ну, вылазь!»

И до того стало жалко полковнику курсанта, что он приказал начпроду его накормить, а начвещу подыскать на складе что-нибудь поновее, из сданного лётчиками – комбинезон, шлемофон и ботинки. И самолёт заправили. Прилетает курсант домой. Вся стоянка с открытыми ртами стоит! Шеф (в смысле, инструктор):

«— Ты что? Где? Как?»

А товарищи-курсанты шёпотом:

«— Где это дают?»

«— Да я... это... в Краматорской дивизии ПВО погостил!..»

Мы все смеёмся. Наш рассказчик тоже смеётся вместе с нами.

